

Идея власти в романах Юрия Буйды

Анна Викторовна Герасимова

В истории русской литературы проблема власти является традиционной, начиная, пожалуй, со «Слова о полку Игореве». В современной прозе она актуализируется в связи с крушением советской империи. Поиск основ построения нового мира неизбежно повлечёт за собой крушение мифа о величии Страны Советов, существовавшего в умах людей. На осколках советского мифа возникает новая история, уходящая корнями в прошлое.

В трагические 1990-ые сознание человека адаптируется к новому миру, выстраивает свои версии преобразований и исторических изменений, и в эпоху постмодернизма максимальное развитие получает миф о власти и Великой Истории. В русской литературе формируется «квазиисторическая» проза, воспринимающая историю как незавершенный текст, позволяющая написать собственную версию прошлого⁵⁰.

Настоящая работа посвящена поэтике романов Юрия Буйды. Ю. Буйда от художественной концепции идёт к освещению исторического факта, а затем делает фантастическое предположение – *als ob*. Его произведения являются собой весьма характерный (при этом индивидуально яркий) образчик постмодернистского «романа с историей», главным нервом которого становится проблема российской ментальности, неразрывно связанной с проблемой власти. Таковы романы «Борис и Глеб» (1997), «Город Палачей» (2003), публицистические очерки «Власть всяя Руси» (2005) и «Самозванец и самозванство» (2002). Ю. Буйда – лауреат нескольких престижных российских литературных премий. Дважды входил в короткий список премии «Букер»: в 1994 за роман «Дон Домино» (1993) и в 1999 за книгу рассказов «Прусская невеста» (1998); в 1998 стал лауреатом литературной премии им. Аполлона Григорьева (за книгу «Прусская невеста»).

Романы «Борис и Глеб» (1997), «Город Палачей» (2003) соединяют в себе проблематику «конца истории», элементы антиутопии, философского эссе – в жанровом отношении это сочетание нарратива и эссеистического письма. В одном тексте Буйды сплетаются история и фантастика, миф и политика. Романное повествование о вымышленных персонажах Буйда вписывает в строгую хроникальную канву русской истории, тем самым сослагательное наклонение истории получает функцию интерпретации причин и следствий исторических событий, а вымышленный пласт повествования повторяет реальные события, «моделирует» национальную историю, истолковывает её логику в авторской версии⁵¹.

Для понимания коллективной мифологии россиян («русской судьбы», «русского пути») Буйда вводит в романы мотив раскола как природной противоречивости человека.

В центре романа «Борис и Глеб» оказывается противостояние братьев, в котором заложена устремлённость Глеба к гармонизации мира, и к подчинению Борисом окружающих собственной власти. Автор предлагает свою концепцию истории: «борисоглебской», жертвенной, модели он противопоставляет «осорьинскую», символизирующую произвол неограниченной власти, самозванства.

Обобщающим мифом русской истории в этом романе Буйды становится история первых русских святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Святополк, заняв Киев, хотел убийством Бориса Владимировича (князя ростовского) и Глеба Владимировича (князя муромского) устранить соперников по обладанию княжеством и восстановить единство Киевской Руси. По его тайному приказу Борис и Глеб, названные впоследствии страстотерпцами, были убиты. Герои Буйды – тоже Борис и Глеб. Буйда представляет «историю о Борисе Осорьине... убившем из-за жены своего брата Глеба...»⁵².

Герои Буйды находятся под властью родового проклятия. И главная беда России состоит в постоянной борьбе между жертвенностью, полным отказом от личной воли, и властвованием, стремлением волю свою навязать. Потому и в романе рядом с князьями Осорьинскими действуют самозванцы Холупьевы. Борис и Глеб проходят через все российские эпохи, постоянно меняясь местами в их родстве-вражде. Когда очередной Глеб уходит в монахи, Борис становится красным комиссаром, а затем генералом НКВД. Жизнь рода Осорьиных предстаёт как вечное движение по кругу: повторяются имена, любовные коллизии, передаваемые из поколения в поколение реликвии, судьбы. Добро и зло, возвышение и падение однозначно не разведены. В этом и есть концепция истории по Буйде: мифологические круги присущих человеку антиномий повторяются в большом круге истории.

Концептами («борисоглебская» и «осорьинская» модели), автор определяет противоречивость национального сознания: смирение перед внешней силой и стихийное проявление страстей. («Своим смирением, непротивлением злу и мученической смертью они (Борис и Глеб) выявили дьявольскую сущность Святополка»⁵³). Вместе с тем, противопоставив «доброму» бездействию (безволию) «злое» действие (волю) и принеся себя в жертву принципу безоговорочного подчинения власти («отцу»), они инициировали отрицательное отношение к свободной и деятельной личности вообще. Названные модели накладываются автором не только на поведение человека, но и на историю России: исповедуя смирение и мученичество в исполнении божественной или исторической необходимости, российские правители следовали необузданной воле, не руководствуясь никакими социальными, нравственными или религиозными нормами. («Только не останавливаться, – цедил сквозь зубы Осорьин. – В этой стране лучше бунт, чем будни»⁵⁴).

50 См. об этом: Рыбальченко Т. Л. Антиномии национального сознания в романе Ю. Буйды «Борис и Глеб»: «борисоглебство» и самозванство // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 224-233.

51 Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв., М., 1967. С. 224.

52 Буйда Ю. Борис и Глеб // Знамя, 1997, №1. С. 11.

53 Буйда Ю. Борис и Глеб // Знамя, 1997, №2. С. 136.

54 Буйда Ю. Борис и Глеб // Знамя, 1997, №1. С. 48.

Антиномия «терпение – бунт», по Буйде, – сердцевина русской ментальности. И дерзкое проявление личной воли (самым ярким таким проявлением в русской истории является самозванство) для Буйды становится знаком «европеизации», ведь русская история не знает, что такое свобода (личностная, общественная, политическая).

Буйда развивает идею самозванства и в публицистических очерках «Власть всея Руси» и «Самозванец и самозванство». «Самозванство есть форма узаконивания мятежа, снимающая с его участников ответственность за кощунство: «Не просто бунтуем, а государя поддерживаем!» Самозванство, по мнению Буйды, является главной чертой, отличающей человека Нового времени от человека Средневековья. И феномен Лжедмитрия стал, по его мнению, началом свободного самоопределения личности в русском государстве. «Историки вот уже сколько лет пытаются ответить на вопрос, кем был этот человек. И мало кого интересует вопрос гораздо более важный: *что это было за явление такое в России?*». Пребывая в статусе правителя, он ощущал себя превосходящим всех предшествующих русских правителей и, делая отсюда вывод, принял на себя титул императора – земного бога, главы священного государства. «Лжедмитрий I мог бы заявить: „Я поставил себя в центр мира“». Утвердившееся в Повестях о Смутном времени мнение, по которому самозванец есть антихрист, предполагало, что Григорий Отрепьев покушался на позицию Христа. В сущности, Лжедмитрий I инсценировал второе рождение Христа. Недаром он дважды в неделю встречался на царском крыльце с москвичами, разбирая их нужды.

И любой человек, «пытающийся выйти за границы царства сложившихся форм, по мнению автора, – может быть назван самозванцем, поскольку в стремлении к свободной самореализации он преступает грань общедозволенного»⁵⁵.

Самозванство на Руси было закономерно и обусловлено сразу несколькими факторами, проанализированными К. В. Чистовым и Б. А. Успенским. Первый подчеркнул, что «обрыв династии Рюриковичей актуализовал в народных массах миф об исчезающем и возвращающемся правителе, которого инкорпорировал узурпаторы трона»⁵⁶; второй связал самозванство с переходом Руси от великокняжеской власти к царской, т. е. «харизматической», что сделало место самодержца доступным для любого, кто ощущал себя Божьим избранником⁵⁷.

И Лжедмитрий, Григорий Отрепьев, тайный католик, обманным путем занявший на краткое время русский трон, вызывает симпатию Буйды. «Лжедмитрий I совершил самый грандиозный переворот в духовной истории России...», поскольку в его лице, как заключает Буйда, «произошло рождение личности, и процесс этот, начавшийся именно с явления Самозванца, а не с реформ Петра, – то разгораясь, то притухая, продолжается и доныне – в борьбе-примирении «борисоглебства» и «самозванства»; тем самым «Дух Ренессанса, *дух свободы самочинно, но под маской проник и в русское коллективное сознание*».

55 Буйда Ю. Борис и Глеб // Знамя, 1997, № 2. С. 134.

56 См. указанную ранее работу К. В. Чистова.

57 См.: Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен //

Художественный язык средневековья. М., 1982.

Льстец, лжец (поведенчески, психологически самозванец близок всему «театральному», «актерскому» в русской традиции юродства, близок Буйде, чья фамилия в переводе с польского означает «фантазия или сказка») возвысился над народом, одна из живейших традиций которого – исступленное стремление к правде. Поэтому вся сила русского национального духа, вся его колоссальная совокупная мощь была инстинктивно направлена на «отчуждение» самозванца.

Русская история века стала объектом художественной игры и в романе «Город Палачей» (2003) – циклическом повествовании, в котором смешиваются исторические эпохи, лица, пространства и события. Буйда ломает линейный вектор истории и создаёт свою, «другую реальность», собирательный образ города. Город Палачей – «скопление пыльных одноэтажных домиков, где издревле селились палачи и их потомки». Россия, по мысли автора, – это страшная, беспорядочная, неухоженная страна «Для удобства управления всеми этим скопищем домов и людей Город Палачей был разбит на 12 районов».

В основе романа Ю. Буйды «Город Палачей» лежит миф о городе как о художественном универсуме. Повторяющиеся мотивы и образы выстраивают сюжетную схему мифа о городе. Мотив возникновения («городок, наугад нарисованный на карте России личным палачом Ивана Боха...»⁵⁸ и конца города («вместо городской Стены образовалась дыра, и все вдруг увидели божественной красоты розовый закат...»⁵⁹), событие, меняющее ход истории города («...в январе 1953 года... в Городе Палачей оставалась какая-то власть. Мы почти не ощущали её присутствия... *они* возникали в дверях привидениями сразу хватали детей, только детей...»⁶⁰), образ церкви, вертикально организующей пространство города («Церковь не забудьте построить, чтоб ...кокоткам было где получать отпущение грехов»⁶¹), образ Правителя (Дмитрий Генрихович «Бох был назначен комендантом Города Палачей», «...ненависть к нему сравнялась с завистью к его успехам»⁶²).

История рода Дмитрия Генриховича Боха соотносима с родовой историей Бориса и Глеба. Строительство Города счастья идёт параллельно со строительством Объекта, если Борис и Глеб – отсылка к великим мученикам, то Бох – явный намёк на Всевышнего. Убийства, блуд, предательства, сновидения героев и даже семейные реликвии (вечный двигатель в «Борисе и Глебе» и «маленький стеклянный шарик, внутри которого беспрестанно вращалось золотое колечко» в «Городе Палачей») представляют историю как вечное движение по кругу.

58 Буйда Ю. Город Палачей // Знамя, 2003, № 2. С. 13.

59 Там же. С. 77. Буйда Ю. Город Палачей // Знамя, 2003, № 2, 3.

60 Там же. С. 29.

61 Там же. С. 61.

62 Там же. С. 12.

В обоих романах время движет – смертоубийство. В «Городе Палачей» роддом превращается в крематорий: инженер Ипатьев спроектировал именно роддом, ...рабочие строили именно роддом, а вот почему получился крематорий – ведомо лишь Всевышнему. Разъяренный градоначальник приказал разобрать крематорий по кирпичику и возвести именно роддом. Но и заново построенное сооружение оказалось крематорием, в «Борисе и Глебе» постоянно исходят от правителей (Святополка, Ивана Грозного, Петра, Сталина) приказы убивать.

У Города нет будущего, оно «задохнулось под спудом прошлого» и превратилось в сон, тошнотворный, похмельный сон. Такова Россия Буйды: страна, в которой после 1917 «палачей-добровольцев стало больше, чем червей на русских кладбищах...».

Существование в тесных рамках закона, установленного властью, мучительно для героев романа. Именно этим объясняется их ненависть к власти в романе «Город Палачей»: «Он – Бож, и хотя – только в именительном падеже, этого в России довольно, чтобы ненависть к нему сравнялась с завистью к его успехам». «Спелись у нас эти две силы, народ и государство... С одной стороны, мы получили бесшабашную власть, державшую ответ единственно перед Богом и посему самовлюбленную, тупую, бессмысленно строгую по отношению и к аристократу, и к простолюдину, которые отнюдь не перечили ей ни в чем. С другой стороны, из этого альянса вышел весь русский человек, вечно витающий в эмпириях, озлобленный, добродушный, мечтающий, как бы чего украсть. Отсюда и характер нашей цивилизации, ибо цивилизация в России – это именно человек».

Горожане режут, кроят памятник развенчанному властителю, низвергнутому вождю – для того, чтобы из его бронзового тела сотворить Поэта, то есть радикально устраняют вечную оппозицию «власть – поэт» в пользу Поэта: власть обезглавили (*голову отрезали*), а Поэта увековечили: «...был Сталин – стал Пушкин... Кто-то сказал: „Ну, а чем они отличаются?“»⁶³.

В обоих романах Книга заканчивает историю. «Нас порождает Дух, но жизнь даёт нам Буква»⁶⁴, «...родилась Книга Осорьиных, а мы стали в ней лишь словами и знаками препинания...»⁶⁵.

Буйда не предлагает в категорической форме какого-то определенного устройства для России будущего. Несчастья людей и народов, по мысли автора, связаны с насильственными проявлениями власти, агрессивным стремлением к господству. Особенности русского национального характера определяют ход истории, в которой относительно любые этические нормы. Самозванство приводит к войнам и хаосу, а будущее предсказать невозможно.

63 Буйда Ю. Город Палачей // Знамя, 2003, №2, 3 с. 22.

64 Там же. С. 80.

65 Буйда Ю. Борис и Глеб//Знамя, 1997, № 2. С. 153.